

Валентина Ососкова, Александр Ходосов

Дверь Ноября

В миг, когда она стала не нужна никому на свете, Янка проваливается в Ноябрь — мир-пустошь, хранящий то, что выброшено людьми из жизни. Здесь неосторожная фраза может сбыться, вещь — попытаться убить, и вся надежда Янки лишь на помощь загадочного парня по прозвищу Тот, кто успел.

Он нужен Янке. Или это она нужна ему?

В безжизненных «ноябрьских» землях и на улицах подмосковного городка — тайны Ноября им предстоит разгадать вдвоём. Как спасти того, кто растворяется в забытых, куда ведут пересекающие пустошь рельсы и, главное, кто он сам — Тот, кто успел? Ведь он не знает...

ПРОЛОГ

Шестнадцатого октября около восьми часов вечера он обнаружил, что стал невидимкой.

Нет, он по-прежнему отражался в оконном стекле, на его место никто не пытался сесть — но взгляды скользили по нему, не останавливаясь, словно по накатанному льду, а кондуктор, сонная тётка в форменной жилетке, даже не стала проверять билет.

В вагоне пахло трамваем и осенью: резиной, кожаном, сыростью, опавшей листвой, бензиновым ветром и ещё немножко чужой тоской. Люди входили и выходили, и трамвай катил вперёд под звон несуществующих бубенцов.

Так получилось, что на предпоследней остановке человек-невидимка остался в вагоне один, не считая тётки-кондуктора, уткнувшейся в вязание. Натянув повыше виток чёрного шарфа, человек прислонился виском к гладкому льду стекла и прикрыл глаза, по многолетнему опыту твёрдо зная, что конечную не проспять, кондуктор обязательно разбудит, а день был чересчур длинный и ещё более бессмысленный...

Вот только человек не подумал, что взгляды скользят мимо; что телефон молчит уже неделю, ведь даже рекламщики не вспоминают его номер; что бывшие коллеги мигом забыли, приятели растворились, а родственников нет давным-давно. Что ни одна живая душа в мире не смогла бы сейчас с уверенностью ответить на вопрос: а где он? А что с ним? А кому он нужен?

Кто заметит в вагоне невидимку?

— ...конечная. Трамвай идёт в парк, просьба покинуть вагон, — прохрипел динамик, и кондуктор подняла взгляд от вязания.

Вагон был пуст.

...Проснулся человек от толчка в плечо, даже сквозь сон ясно помня, что первым делом надо вежливо извиниться перед кондуктором, но кондуктора не было — вместо той тётки перед креслом стоял мальчишка, бледный взъерошенный воронёнок. И черты его лица смазывались и складывались в другое лицо, знакомое до фантомной боли.

И никак иначе его не назовёшь, только одним-единственным именем, пропахшим лекарствами и танковой соляжкой:

— Димка?!

Мальчишка отпрянул, сверкнув нечеловечески-синими глазищами, и поспешно натянул серый капюшон, похожий на мордочку ушастого игрушечного ежа.

Человек понял, что невидимкой быть перестал, и поднялся на ноги.

Трамвай стоял, но это был *не тот трамвай*.

И *не тот город*.

И, конечно, не тот... конечно, не Димка.

ГЛАВА 0. МЁРТВЫЙ ГОРОД

Янка ненавидит подступающую пятнадцатую зиму.

Ставит по пять будильников, но всё равно просыпает, потому что на звонке пятого ей кажется, что это только четвёртый, и есть пять минут в запасе. Зима ещё не наступила, а уже высасывает все силы при одном взгляде на календарь.

Календари Янка не переносит тоже.

Порой список того, что ей так ненавистно, разбухает, как губка в воде, — вбирая в себя и рисование, и одноклассников, и даже родителей, но где-то в глубине души Янка догадывается, что это неправда. Что это фальшиво и надуманно. Мамино непонимание, папино отсутствие... «Это не навсегда», — шепчет себе Янка в полудрёме где-то между вторым и третьим звонками будильника. И даже верит в это, почти-почти, и представляет себе, как в детстве, звонок в дверь и папу на пороге.

...Но звонит третий будильник, четвёртый, пятый — и начинается новый день. Пятнадцатая зима становится на ещё одну прожитую ночь ближе.

Янкина жизнь исчисляется ночами. События сами собой концентрируются в пятнах света — от уличный фонарей, от монитора или телефонных дисплеев на лицах. В октябре темнеет рано и, наверное, это хорошо — иллюзия, что на жизнь есть чуть больше времени, для Янки сладка с горчинкой, как плавленый сахар. Если бы только не близкая зима...

Янка не носит шапок, презирует перчатки и до снега не вылезает из кедов на тёплый носок. Тёмные кудри прячутся под капюшоном толстовки, а руки — глубоко в карманах. Янка замазывает чёрным маркером названия зимних месяцев в настенном календаре, а будь её воля — так просто вырвала бы и выкинула. Из календаря и из жизни.

Как и сегодняшний разговор.

Шуршит под черепом несуществующий голос из ненавистой в этот момент игры:

«Двигатель повреждён. Движение невозможно... невозможно... невозмож-ш-шно...»

Вспыхивают красным воображаемые иконки...

Но всё-таки Янка движется, шаг за шагом, на автопилоте, от метро, к ларьку за традиционным субботним хот-догом, делая вид, что мир не рухнул и не разбился, что острые ароматы мяса и кетчупа не вызывают тошноты...

У ларька засела в засаде знакомая чёрно-белая дворняжка с голодными глазами — вдруг перепадёт?

Хот-догом обжёт пальцы даже сквозь салфетку, но эта боль была лучше другой, внутри. Проще. Понятней.

Янка всего один раз укусила сосиску, потом присела на корточки и протянула собаке:

— Ну, бери, попрошайка. Ты тоже никому не нужна, да?

А голос всё-таки сорвался.

«*Не нужна?*» — «*Не нужна*». И Янка не знает, что же ей можно было сказать в ответ на такое — губы сковывает судорожная улыбка, и ни единого слова не поймать языком.

Остаться на месте, ждать автобус стало просто невозможно, Янка вскочила на ноги, пугая дворняжку, и кинулась прочь, мимо козырька остановки, через дорогу.

«*Не нужна, не нуж-шна...*» — голос внутри шипит змеёй, изворачиваясь в кольцо. — *Никому, никому!*»

Янка нырнула в парковые ворота, пронеслась мимо вычурных фонарей «под старину», мимо скамеек, лысых кустов, смутных отражений в лужах, мимо, мимо, прочь... *Холодно*. Зима вдруг подступила вплотную, дохнула по ногам первым снегом, луна прыгнула перед глазами и скрылась за плотной, словно вырезанной из войлока тучей.

Выключенный телефон в кармане жёг ладонь и напоминал: «Не нужна, не нужна!» — и это неподъёмный, отлитый из свинца факт.

«*У меня разбилось сердце*», — подумала Янка, перескакивая воткнутый в конце дорожки бетонный блок, и в тот же миг что-то с хрустом тонкого ноябрьского льда треснуло в груди. От резанувшей боли перехватило дыхание.

Равновесие удержать не получилось. Ещё мгновение назад сердце как бешеное — тумс-тумс-тумс — стучало в ушах, ноги несли, а вот уже Янка летит вниз...

...в груди дрожит, дробится осколками боль...

...ни стука, ни толчка бестолкового пульса...

...ни силы удержаться на ногах, ни...

Это случилось быстрее, чем Янка успела выдохнуть испуганное «Мамочки!»

НИТЬ СВЕТА. ЯНКА

Вспышка.

Боль, чувство падения, и это всё ещё длится, длится, во времени, в пространстве, в бесконечности — и вдруг вспышка перед глазами, жар в груди, свет заливает всё, и хотя он совсем не слепит — почему-то ничего не видно.

Бесконечность свернулась в сияющую перечёркнутую петлю, и по одну сторону боль и падение, а по другую — свет, жар и покой.

На какой стороне ты?

Время замерло, то ли на вечность, то ли на секунду, а потом снова потекло вперёд.

Удар — не об асфальт, о какую-то преграду. Вспышка свернулась в жёлтый блик, спрятанный в чужой ладони, и в глаза хлынула темнота. Чужая ладонь вжималась Янке в грудь, в том месте, где мгновение назад всё раздирала в клочья боль.

Сердце колотилось заполошной птицей, а боли... боли не было.

Мир возвращался толчками, штрихами, пикселями: вот упирается Янке в плечо ещё одна ладонь, вот чужая нога под коленом, а вторая поодаль упёрлась босой пяткой в асфальт... Вскоре нашлась и лохматая темноволосая макушка, и остальные части тела, а потом незнакомец поднял голову и оказался мальчишкой.

И Янке почудилось, что даже сквозь толстовку чувствует жар от его ладони. Не в рёбра вжимающейся, не в ключицу — прямо в грудь, безо всякого стеснения.

— Ах ты! — Янка отшатнулась от наглеца... и боль вернулась. Она обрушилась на Янку, выбивая дыхание, заметалась эхом непрозвучавшего крика в голове.

Мальчишка подскочил прежде, чем Янка успела сложиться пополам. Взмахнул рукой над её головой, толкнул ладонью в грудь, а потом неведомо как успел оказаться сзади, подхватить и помочь усесться на тот самый бетонный блок.

Какое-то время Янку занимало только то, что в груди царит уже не боль, а жар, а потом мир снова проявился из небытия.

Было холодно. Стыло, даже не по-октябрьски, а так, будто завтра снег ляжет на землю колючими пышными хлопьями. Сердце неровно билось. Глаза смотрели. Руки-ноги... слушались, только коленки позорно дрожали.

Значки на воображаемом экране нехотя окрашивались в зелёный цвет: *шкала жизни, двигатель, боеукладка... гусеницы, приборы, рация... Экипаж цел, танк цел, танк движется?*

Янка окончательно вернула себя в список живых и осторожно встала, рефлекторно хватаясь за грудь.

— Живая, — радостно озвучил её собственные мысли босоногий мальчишка. — Успел!

...Янка его не услышала. Пальцы зацепились за что-то чужеродное на толстовке — из-под ладони пробивался тот самый огонёк. Наощупь он оказался тёплым и рифлёным. И притягивал, затягивал в себя взгляд... Янка растерянно ухватила его и поднесла к лицу, не веря своим глазам: «огонёк» оказался металлической рыбкой длиной едва ли в полпальца. Вернее, сам

огонёк прятался внутри, пробивался в просветы стального узора, даря миру вокруг причудливые блики.

Рыбка была по-живому тёплая, даже горячая, пахла сталью и бенгальским огнём и свинцово тянула ладонь к земле.

— Спрячь под ворот лучше, — посоветовал всё тот же вездесущий мальчишка, но Янка, как зачарованная, всё крутила рыбку в руках, следя за бегущими по толстовке золотыми отсветами.

Тогда мальчишка бесцеремонно стукнул Янку по ладони.

Рыбка выпала из руки, толкнулась, как маятник, в рёбра — встречным толчком отозвалось сердце, — и повисла на цепочке, которую Янка обнаружила у себя на шее. Огонёк утих, хоровод бликов сжался в точку.

После света рыбки всё вокруг снова утонуло в темноте, и показалось, что Янка сама в ней сейчас растворится, как сахар в стакане чая. Без цели, без сил, без движения...

Она потрясла головой, пытаясь осознать происходящее, но тщетно, даже удивиться или разозлиться не получалось, словно ей вкололи зубную заморозку, только не в десну, а сразу в голову. Мысли ворочались медленно и неловко, как чужие.

«Я что... исчезла?» — испугалось что-то внутри, тот маленький островок разумности, который засасывала в себя окружающая трясина безволия.

Но мальчишка-то её видит, значит, наверное, не исчезла?

— Слушай, а откуда... ты взялся? — Янка заставила себя сосредоточить взгляд на незнакомце.

— Я? Вообще или прям сейчас?.. Да тебе же неважно!

Он был абсолютно прав, этот нахальный пацан. Янка спросила только для того, чтобы тот островок разумности не сказал свой последний «чавк».

В свете выглянувшей в прореху туч луны мальчик показался чёрно-белым, как старое фото: бледный, тёмненький — но волосы не как у Янки, непослушный выюн, а жёсткие и, наверное, совсем-совсем чёрные. Из одежды — только нелепый комбинезон, похожий на пижаму-кигуруми, какие любят носить сноубордисты, но не цветастый, а бело-серый; ни ботинок, ни шапки, ни бейджика с именем, а сам мальчишка представиться не додумался.

Какое-то время Янка смотрела на него и вместо того, чтобы осмыслить случившееся, пыталась угадать: что за существо изображает эта кигуруми? Пёстро-серые плечи, белый перёд, черноухий капюшон за спиной... Думать об этом — получалось, а вот задаваться вопросами «где я?» и «что произошло?» — нет.

— Ты кто? — спросила Янка тихо и глупо.

— Я *тот, кто успел*, — с нахально-загадочной улыбкой отозвался пацан.

— Успел что?

— Например, тебя поймать!

Кажется, он был на год-два младше самой Янки — на пороге того возраста, когда за месяц парни могут вымахать на голову, сменить голос, манеры, увлечения и, вдобавок, обзавестись россыпью ужасных прыщей.

Впрочем, в потёмках не угадать.

Чем дольше Янка смотрела на него, тем больше отмирала, словно запускались какие-то внутренние процессы, разогревался двигатель, начинал своё движение ствол пушки... Янка сморгнула и выбросила игровые аналогии из головы.

— А у тебя нормальное имя есть? Саша, Паша, Вася?

Улыбка «того, кто успел» исказилась и... опустела, как будто пацан уже перестал улыбаться, а губы по инерции ещё сохраняли прежнее положение.

И Янке очень захотелось оказаться где угодно, только подальше от безымянного «того, кто успел» с такой пустой улыбкой... А тот вместо ответа развернулся и, бросив: «Пойдём!» — зашагал куда-то вперёд.

Янка отвернулась. Не идти же вот так неизвестно куда!

Непонятный приступ прошёл бесследно, это всего лишь переходный возраст, кардиолог — да нет, причём здесь кардиолог, терапевт, конечно же! — предупреждал, что организм меняется, гормональная настройка или что-то типа того. А значит, надо просто вернуться домой, и...

Сквера за спиной не оказалось. Ни фонарей, ни кустов, ни дорожки. Только тонуший в ночной темноте пустырь и выщербленный, будто обгрызенный кем-то бетонный блок. Под кедами крошится замёрзшая глина. Рядом сереет нелепая заплатка асфальта, не начало дорожки, а единственное пятно. Луна снова убралась за войлочную тучу, как уползает танк в укрытие перед ударом.

Ночь.

— Я сплю, — Янка крепко зажмурилась. — Либо забежала куда-то в помрачённом сознании... либо просто сплю! Надо проснуться, вот и всё.

Накатило то самое ощущение, возникающее за мгновение до того, как проснёшься, и Янка встретила его с облегчением и радостью, а потом открыла глаза.

Ночь, пустырь, до карамельной хрупкости замёрзшая глина под ногами.

Янка повторила попытку проснуться ещё несколько раз, прежде чем признала, что не спит — и вот тут стало страшно до рези в глазах. От непонимания, что происходит и что ещё произойдёт.

Спина мальчишки ещё маячила впереди, и Янка, судорожно всхлипнув, бросилась за ним:

— Эй! Эй, подожди! Куда ты... куда мы идём?

Мальчишка не ответил, но притормозил и дождался Янку. Дальше они шли уже вдвоём. Босые ноги шлёпали по заиндеветой земле, кеды топали невпопад, отставая где-то на полшага.

— Так кто ты такой?!

— Тот, кто успел, — упрямо повторил мальчишка и накинул на голову капюшон.

Оказалось, кигуруми изображала ежа. Не обычного, лесного, а домашнего: белый, с тёмным кончиком морды, тёмными ушками и серыми иголками.

Янка с усилием отвела взгляд от чёрных ежиных глаз, вышитых на капюшоне пижамы. Их игрушечный взгляд был слишком *живым*.

— Тот, кто успел... А можно я тогда тебя буду звать, ну... — Янка проглотила «Ежом», — просто Тотом?

Ежиная мордочка согласно «клюнула» вперёд. Получилось, что Янка разговаривает с этим ежом, а не мальчиком, спрятавшимся внутри пижамы.

— Это, типа, «молчание — знак согласия»? — Янка попыталась разозлиться, но, как и раньше, ничего не вышло. Словно что-то внутри сломалось. Остались только растерянность, страх и тягостный привкус сна. — Тот... тогда посмотри на меня хотя бы!

Тот одёрнул капюшон и наклонил голову так, чтобы ёж внимательно уставился на собеседницу. Жутковато.

Янка глубоко вдохнула ледяной воздух, прежде чем снова задать вопрос:

— Куда мы идём?!

Ежиная мордочка качнулась:

— Встретим ещё одного, как ты, и я вас выведу обратно. Не хочу с каждым туда-сюда бегать.

От неожиданности Янка споткнулась, боясь поверить тому, что услышала.

— Под ноги-то смотри! — проворчал Тот, хватая её за плечо.

— Я... я просто...

Каждый ли из тех, кто запоем читает о других мирах, захочет — на самом деле — однажды случайно уйти и не вернуться? Нет, все приключения будут когда-нибудь потом, а здесь и сейчас...

Только.

Невозможность.

Вернуться.

Домой.

Настоящая дорога без возврата страшнее любых волшебных злодеев. Но сказки об этом почему-то рассказать забывают.

Янка это поняла только сейчас — после обещания, что ей это не грозит.

— Ты вернёшь меня обратно?!

— А зачем ты мне здесь?!

— Я... то есть... — Янка ещё пару секунд хватала ртом воздух, а потом с трудом вытолкнула из себя: — Да незачем, конечно!

— Вот и ладненько! Идём, тут недалеко. Найду его — и выведу вас обоих.

Дальше шли молча. Долго, очень долго, минут десять, совершенно невыносимо для Янки, которая теперь — когда ей *дали надежду* — мечтала только об одном: вернуться, проснуться, всё забыть.

Справа и слева выросли тени домов, обрамлённые корявыми ветвями сухих деревьев. Силуэты были неровные, ломкие, словно улица собиралась из кусочков, дом оттуда, дом отсюда.

Когда луна выглядывала из-за тучи, под ногами плясали резкие чёрные тени, искажённые, как отражение в битом стекле. Когда лунный свет пропадал, идти приходилось почти наощупь, осторожно ступая следом за Тотом. Наконец Янка включила телефон и зажгла фонарик — справа в ярком белом луче блеснули из-под слоя ржавчины трамвайные рельсы; слева как в нелепом сне босые мальчишеские ноги топтали потрескавшийся, припорошённый пылью асфальт.

Щербатый оскал разбитых окон в стене ближайшего дома заставил отпрянуть и дальше светить только в землю, не поднимая взгляда.

Тот вдруг затормозил, уже привычно поймал Янку за плечо и сообщил:

— Подожди тут, скоро вернусь.

Ответить Янка не успела и оказалась в одиночестве и тишине — чужой, мёртвой и голодной. Плотной, как та войлочная туча, проглотившая луну. Навалилось всё то, от чего позволял отвлекаться шагающий рядом мальчишка: бессилие, безволие, ощущение тягостного, болезненного сна.

«Я вообще существую?!» — раскачивалась в голове мысль, но почему-то её было недостаточно, чтобы стронуть Янку с места.

Некоторое время Янка светила вдоль трамвайных рельсов, по которым ушёл Тот, но тишина подсказывала, что напрасно: там, впереди, больше никого нет. Тогда Янка перевела взгляд на экран телефона и принялась следить, как убывает заряд аккумулятора — жёлтые циферки в пиктограмме батареи на фоне дымящегося танка на заставке. 22%... 21...

На девятнадцати процентах батареи Янка снова взглянула вперёд, провела лучом по ржавым рельсам...

Она успела заметить только метнувшуюся к ней в луче света тень — и с криком выронила телефон. Фонарик погас. В нахлынувшей темноте перед глазами поплыли аморфные зелёные пятна.

Никто не нападал.

Неужели хищная тень только почудилась?!

Или... или неведомый зверь притаился в шаге от Янки, невидимый в темноте и оттого вдвойне опасный?..

Телефон лежал у ног. Янка шевельнула правым кедом, нащупывая его... Есть зверь или нет? Глюк или правда? Может, дикая собака? Но собака не станет бесшумно таяться, она залает или хотя бы зарычит...

Можно было поднять телефон и снова включить фонарик. Тогда всё стало бы ясно. Всё просто — наклониться, нащупать и зажечь экран.

Но Янка не могла пошевелиться. Только мелко-мелко дрожало что-то внутри — от холода или страха? Сердце колотилось всё выше и чаще, в желудке перекачивался лёд...

А потом раздались шаги, и Янку настиг весёлый голос:

— А вот и мы!

Янка не разрыдалась. Чудом.

Пока Тот подходил, Янка успела вернуть себя в чувство, поднять телефон, яростно растереть глаза и уставиться в темноту, сквозь которую смутно проступали ещё более тёмные силуэты — домов, деревьев, и чуть светлее — Тота и его спутника.

— Тот! А теперь ты меня... — Янка не договорила.

Туча нехотя сползла с луны, и та огромным прожектором осветила мёртвый город — до последней веточки, до «стрелки» трамвайных рельсов вдалеке. Никаких диких собак и прочих чудовищ город не таил.

Почему-то Янка ожидала, что Тот приведёт её ровесника, парня или даже девушку, но пацан уверенно тащил за рукав долговязого мужчину в кое-как намотанном на шею — это первым бросилось в глаза — чёрном шарфе.

Облегчение от возвращения Тота сменило адресата и внезапно разбудило уже, казалось бы, давно изжитую детскую веру *в настоящих взрослых*: вот теперь-то всё станет нормально, теперь-то взрослый человек всё объяснит, вернёт по местам, и тогда....

Радовалась Янка недолго — пару шагов навстречу Тоту и мужчине. А потом стало видно выражение лица «настоящего взрослого»: затравленное, растерянное, *бессильное*... и от детской веры ни осталось и следа. Больно и обидно.

...Рядом с Тотом не мудрено казаться высоким, но мужчина и вблизи не развеял этого ощущения. Он был словно выдуман для какого-то мрачного французского мультика — *про мёртвый город, про тёмный взгляд из оконных провалов, про луну за войлоком туч и бесконечное одиночество* — долговязый, сутулый, растерянный, в пальто и рыхлых витках шарфа на шее. Тёмные взлохмаченные волосы пестрели сединой — хотя на лицо, вроде, не совсем уж старик, так, лет сорока. А вот неуверенными движениями мужчина походил если и не на старика, то на больного — или не успевшего проснуться.

Когда через секунду Янка, отвернувшись, попыталась вспомнить его лицо — ничего не получилось. Человек-никто, безликий прохожий с потерянным взглядом. Видела ли Янка его когда-нибудь раньше? Да таких — безликих, потерянных, одетых в немаркое тёмное — пол-Москвы! Они словно сами собой заводятся на улицах пасмурной осенью, пытаются скрыть свою природу тем, что с бессмысленной целеустремлённостью куда-то спешат.

Иногда, если Янка возвращалась домой «в час пик» среди толпы этих безликих, ей безумно хотелось взять кого-нибудь из них за плечи, встряхнуть аккуратно и спросить: а куда спешим?

...Долго рассматривать друг друга никому не дал вездесущий Тот. Ухватил Янку свободной рукой и паровозом потянул вдоль трамвайных рельсов вперёд, к «стрелке». Мужчину Тот привёл справа, а теперь решительно свернул влево, коротко сказав — почти приказав:

— Взглядом ни за что не цепляйтесь, — потом помолчал и добавил: — Лучше вообще только на меня смотрите. Так проще. Вы здесь случайные, нечего задерживаться.

— А... а рыбку тебе отдать? — Янка полезла свободной рукой за ворот, но ежиный капюшон, обернувшись, только отрицательно качнулся. Вышитые глаза пялились равнодушно:

— Пусть у тебя будет. Всё, идёте. Раньше выведу — раньше делом займусь, а то с вами возиться...

Тот ещё долго бурчал самому себе под нос — про каких-то тигров, танки и недолю. Мужчина открыл рот, чтобы что-то сказать или спросить, но так и не решился, а Янка сжала сквозь толстовку рыбку и, поддавшись секундной слабости, вовсе закрыла глаза: «Ничего не вижу, ничего не знаю, лежу дома в кровати и просто смотрю страшный сон...»

Когда она их открыла, впереди спасительным маяком сиял обычный шоссейный фонарь, недалеко промчалась машина, а сквозь лысые деревья проглядывали огоньки поселковых окон... Янка вырвала руку из пальцев Тота и бросилась вперёд, к фонарю, к цивилизации, к жизни!

Когда она обернулась, Тота нигде не было. Только растерянно озирался сутулый мужчина да вдалеке заливались лаем собаки.

Что-то заметив, мужчина вдруг вскинул голову и, натягивая на лицо невозмутимое выражение «всем плевать на меня, мне плевать на всех», целеустремлённо прошёл мимо Янки вперёд, где, как выяснилось, притулилась автобусная остановка.

Там всё-таки притормозил и обернулся, нервно затягивая витки шарфа на шее всё туже и туже:

— Т-тебе в Энск?

Это были первые — хриплые, чуть запинаящиеся — слова, которые он произнёс за всё это время. Янке нестерпимо захотелось встать на цыпочки и отобрать у него шарф — задушится ведь!

Справившись с неуместным порывом, Янка поглубже натянула капюшон:

— Нет, мне в Москву, я просто...

Казалось бы, вернулась в нормальный мир фонарей, людей и машин — радуйся!.. Но чем дальше, тем больше Янке становилось не по себе. Не в последнюю очередь из-за взгляда мужчины — хмурого и... опасливого.

— Тогда твоя остановка во-он там, — мужчина коротко махнул рукой в сторону арки пешеходного моста. — На той стороне.

— Э... спасибо, — обескураженно промялила Янка. Ни тебе «здрасте», ни представиться... Такими темпами обнаружится, что «Я — Тот, кто успел, пошли неизвестно куда» было образцом галантности!